

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Книги Луизы Пенни
о старшем инспекторе
Армане Гамаше:

Убийственно тихая жизнь

•

Смертельный холод

•

Самый жестокий месяц

•

Каменный убийца

•

Жестокие слова

•

Хороните своих мертвцев

ЛУИЗА
ПЕННИ

Хороните
своих мертвцев

Санкт-Петербург

УДК 821.111-312.4

ББК 84(7Кан)-44

П 25

Louise Penny

BURY YOUR DEAD

Copyright © 2010 by Three Pines Creations

All rights reserved

This edition published by arrangement with Teresa Chris
Literary Agency Ltd. and The Van Lear Agency

Перевод с английского Григория Крылова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Екатерины Платоновой

© Г. Крылов, перевод, 2015

© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-04685-6

*Эта книга посвящается вторым шансам —
тем, кто их дает, и тем, кто их получает*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Они мчались вверх по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки и стараясь не шуметь. Гамаш из всех сил сдерживал дыхание, словно он сидел дома, словно ничто в мире его не тревожило.

— Сэр, — раздался в наушниках Гамаша молодой голос.

— Ты должен мне верить. Ничего плохого с тобой не случится, сынок.

Он надеялся, что молодой агент не услышит напряжения в его голосе, не заметит усилия, которое прикладывал старший инспектор, чтобы его голос звучал веско, убедительно.

— Я вам верю.

Они добежали до площадки. Инспектор Бовуар остановился, посмотрел на своего шефа. Гамаш взглянул на часы.

47 секунд.

Время еще есть.

В наушниках он слышал голос молодого агента — тот рассказывал ему о солнечных лучах, о том, как словно они греют лицо.

Остальная часть команды тоже добралась до площадки — в бронежилетах, с автоматическим оружием на изготовку. Все внимание на шефа. Рядом с ним ждал решения и инспектор Бовуар. Куда теперь? Они были близко. В нескольких шагах от цели.

Гамаш бросил взгляд в один темный грязный коридор заброшенной фабрики, затем в другой. Они ничем не отличались друг от друга. Свет и декабрьский день проникали через разбитые, в потеках окна.

43 секунды.

Он решительно показал налево. И они молча побежали к двери в конце. Гамаш на бегу сжимал винтовку и спокойно говорил в микрофон:

- *Нет нужды волноваться.*
- *Осталось сорок секунд, сэр.*

Каждое слово на той стороне произносилось так, будто человеку трудно дышать.

— Просто слушай меня, — сказал Гамаш, показывая рукой на дверь.

Его люди бросились вперед.

36 секунд.

— Я не позволю, чтобы с тобой что-то случилось, — произнес Гамаш уверенным,ластным тоном, словно вызывая молодого агента на спор. — Сегодня вечером ты будешь обедать со своей семьей.

— Да, сэр.

Команда окружила закрытую дверь с грязным матовым стеклом. Затемненным.

Гамаш помедлил, его рука повисла в воздухе, готовая дать сигнал взломать эту дверь. Чтобы спасти его агента. Рядом с ним напрягся в ожидании Бовуар.

Слишком поздно старший инспектор Гамаш понял, что совершил ошибку.

- Не спеши, Арман.
- *Avec le temps?*¹

Гамаш улыбнулся в ответ своему наставнику и сжал правую руку в кулак. Чтобы перестала дрожать. Дрожание было таким слабым, что официантка в кафе в Квебек-Сити наверняка ничего не заметила. Два студента за соседним столом усердно молотили по клавиатурам своих ноутбуков — они уж точно не заметили. Никто ничего не заметил.

Кроме человека, сидевшего совсем рядом.

¹ Со временем? (фр.)

Гамаш посмотрел на Эмиля Комо, уверенной рукой сжимающего слоистый круассан. Прежнему наставнику и шефу Гамаша было под восемьдесят. У него были ухоженные седые волосы и ярко-синие глаза за стеклами очков. В свои годы он оставался подтянутым и энергичным. И все же при каждом новом посещении Арман Гамаш отмечал, что лицо Эмиля чуть-чуть смягчилось, движения слегка замедлились.

Avec le temps.

Эмиль Комо, который вдовствовал вот уже пять лет, знал силу и протяженность времени.

Жена Гамаша, Рейн-Мари, уехала сегодня рано утром, проведя с ними неделю в каменном доме Эмиля в обнесенном стеной Старом городе Квебека. Все вместе они обедали перед камином, гуляли по узким, засыпанным снегом улочкам. Разговаривали. Молчали. Читали газеты, обсуждали события. Втроем. Вчетвером, если считать немецкую овчарку Анри.

А большую часть дня Гамаш проводил в одиночестве в местной библиотеке.

Эмиль и Рейн-Мари не возражали против этого, понимая, что сейчас ему нужно не только общество, но и уединение.

Но вот пришло время, когда Рейн-Мари нужно было уезжать. Попрощавшись с Эмилем, она повернулась к мужу. Высокий, плотно сложенный, предпочитавший хорошие книги и долгие прогулки любой другой деятельности, он скорее был похож на заслуженного профессора лет пятидесяти пяти, чем на главу самого известного в Канаде полицейского подразделения по расследованию убийств. *Sûreté du Québec*. Гамаш проводил ее до машины, соскреб утренний ледок с лобового стекла.

— Тебе не обязательно уезжать, — сказал он, улыбаясь ей.

Они стояли друг перед другом в хрупком свете нарождающегося дня. Анри сидел в сугробе поблизости и наблюдал за ними.

— Я знаю. Но тебе с Эмилем нужно побывать вдвоем. Я же видела, как вы поглядывали друг на друга.

— Взаимное чувство? — рассмеялся старший инспектор. — А я думал, нам удается его скрывать.

— Жена всегда знает.

Она улыбнулась, глядя в темно-карие глаза мужа. Хотя на нем была вязаная шапочка, Рейн-Мари видела его седеющие волосы и небольшой вихор, выбившийся наружу. И бороду. Она постепенно привыкла к его бороде. Долгие годы он носил усы, но в последнее время, после того случая, отрастил аккуратную бородку.

Рейн-Мари помедлила. Сказать или не сказать? Эта мысль теперь все время преследовала ее, готовая сорваться с языка. Но она знала, что слова бесполезны, если вообще можно так сказать о словах. Рейн-Мари точно знала, что слова словами, а дела делами. Если бы могла, она бы окружила его словами, защитила бы его ими. Но вместо этого она беззаботным голосом произнесла:

— Приезжай домой, когда сможешь.

Гамаш поцеловал ее:

— Приеду. Через несколько дней. Максимум — через неделю. Позвони, как только доберешься.

— D'accord¹.

Она села в машину.

— Je t'aime², — сказал он и, просунув руку в открытое окно машины, коснулся ее плеча.

«Смотри в оба, — кричал ее внутренний голос. — Не лезь на рожон. Приезжай скорей ко мне. Береги себя, береги себя, бери себя».

Она накрыла своей рукой в перчатке его руку.

— Je t'aime.

А потом она поехала в Монреаль, поглядывая в зеркало заднего вида на его фигуру, одиноко стоящую на утренней улице. Анри, конечно же, уселся рядом с Гамашем. И оба смотрели на нее, пока она не исчезла.

Старший инспектор продолжал смотреть, даже когда машина скрылась за поворотом. Потом он взял лопату и нетороп-

¹ Договорились (*фр.*).

² Я тебя люблю (*фр.*).

ливо счистил со ступеней крыльца снежный пушок, налетевший за ночь. На минуту он замер, опираясь руками на черенок лопаты, — наслаждался игрой утреннего света на свежем снегу. Снег казался скорее голубоватым, чем белым, и в некоторых местах посверкивал крохотными искорками — снежинки там намело в небольшие кучки, и они улавливали, преображали и возвращали свет. Словно что-то живое, захватывающее.

Такой была жизнь в Старом городе. Неторопливой и динамичной, устоявшейся и переменчивой.

Взяв горсть снега, старший инспектор скомкал его в руке. Анри тут же сделал стойку, собачий хвост так напрягся, что весь его корпус сзади стал покачиваться. Глаза впились в снежок.

Гамаш подбросил снежок в воздух, и пес подпрыгнул, поймал его зубами, перемолотил. Приземлившись на все четыре лапы, Анри в очередной раз удивился, как это снежок, казавшийся таким твердым, вдруг взял да и пропал.

Исчез так быстро.

Но в следующий раз все будет иначе.

Гамаш хохотнул. Возможно, Анри прав.

В это время из дверей вышел Эмиль, закутанный в громоздкое зимнее пальто для защиты от кусачего февральского холода.

— Готов? — Стариk натянул на голову вязаную шапочку, закрывая уши, надел теплые варежки, похожие на боксерские перчатки.

— К чему? К осаде?

— К завтраку, mon vieux¹. Поторопись, пока кое-кто не съел последний круассан.

Он знал, как мотивировать своего прежнего подчиненного. Не дожидаясь, когда Гамаш уберет лопату, Эмиль поспешил по заснеженной улице. Уже просыпались и другие обитатели Квебек-Сити. Выходили в нежный утренний свет, чтобы сбросить снег с машин, дойти до пекарни, взять свежий батон и выпить кофе.

¹ Старина (*фр.*).

Двое мужчин и Анри двинулись по рю Сен-Жан, мимо ресторанов и сувенирных магазинов, на крохотную боковую улочку рю Куйар, где находилось кафе «Ше темпорель».

Они приходили в это кафе вот уже пятнадцать лет, с тех самых пор, как суперинтендант Эмиль Комо вышел в отставку и поселился в Старом городе Квебек-Сити, а Гамаш начал приезжать к нему, чтобы провести время со своим наставником и помочь ему по хозяйству. Всяких мелочей накапливалось немало: разгрести снег, заготовить дрова для камина, заклеить окна к холодам. Но нынешний его приезд был другим. На этот раз старшего инспектора Гамаша тянуло в Квебек-Сити, как никогда в прежние зимы.

На этот раз помочь требовалась Гамашу.

— Итак... — Эмиль откинулся на спинку стула, обхватив обеими руками чашку кофе с молоком. — Как продвигаются твои изыскания?

— Пока не могу найти упоминаний о том, что капитан Кук и в самом деле встречался с Бугенвилем¹ перед Квебекским сражением. Но ведь это было двести пятьдесят лет назад. Документы того времени встречаются редко, и обычно они в плохом состоянии. Но я знаю, что они здесь есть, — сказал Гамаш. — Библиотека просто удивительная, Эмиль. Многим томам сотни лет.

Он начал рассказывать о своих поисках в библиотеке, о том, как откапывает в забытых старинных книгах всякие любопытные сведения о сражении, которое состоялось давным-давно и было проиграно, по крайней мере с его точки зрения. А его старший товарищ внимательно смотрел на Гамаша. Появилась ли наконец искорка в этих дорогих для него глазах? В глазах, в которые он так часто заглядывал на месте страшных преступлений, когда они преследовали убийц. Когда они прочесывали леса, деревни и поля, размышляли над уликами, свидетель-

¹ *Луи Антуан де Бугенвиль* (1729–1811) — участник войны во французских колониях против Британии, позднее открыватель Фолклендских островов, исследователь Тихого океана, руководитель первой французской кругосветной экспедиции.

скими показаниями и гипотезами. «Сквозь мрак безбрежный, полный бездонных страхов»¹, — вспомнил Эмиль, думая о тех днях. Да, точное описание. «Полный бездонных страхов». Их страхов и страхов убийц. За какими только столами в разных уголках провинции не сидели они с Гамашем! Как сидят вот сейчас.

Но теперь настало время отдохнуть от убийств. Хватит душегубств, хватит смертей. В последнее время Арман видел их слишком часто. Нет, лучше закопаться в историю, в давно ушедшую жизнь. Интеллектуальное расследование, и ничего больше.

У их ног шевельнулся Анри, и Гамаш машинально опустил руку и погладил собаку по голове, чтобы успокоить. И снова Эмиль заметил легкую дрожь в руке. Сейчас она была едва заметна, но иногда усиливалась.

Ему хотелось взять эту руку, укрепить ее, сказать Гамашу, что все будет хорошо. Потому что он знал: так и будет.

Со временем.

Глядя на Гамаша, Эмиль снова обратил внимание на рваный шрам на его левом виске и аккуратную бородку, которую он отрастил в последнее время. Чтобы люди не глазели. Чтобы люди не узнавали самого узнаваемого полицейского в Квебеке.

Но конечно, это не имело значения. Не от них прятался Арман Гамаш.

Официантка принесла еще кофе.

— Мерси, Даниэль, — в один голос сказали они, и она ушла, улыбаясь этим двоим мужчинам, таким разным, но таким похожим.

Они выпили кофе, съели pain au chocolat и croissants aux amandes², поговорили о Квебекском карнавале, начинающемся этим вечером. Иногда они замолкали, глядя, как люди на улице по холоду спешат на работу. Кто-то процарапал трилистник

¹ Из стихотворения английского поэта Фрэнсиса Томпсона «Гончая небес».

² Булочки с шоколадом и круассаны с миндалем (фр.).

клевера в небольшой впадинке в центре деревянного стола. Эмиль потер это место пальцем.

Он все спрашивал себя, когда же Арман захочет рассказать о том, что случилось.

Была половина одиннадцатого — время начала ежемесячного заседания совета Литературно-исторического общества. Долгие годы это заседание проводилось по вечерам, когда библиотека закрывалась, но потом заметили, что на эти заседания приходит все меньше и меньше членов общества.

Поэтому председатель Портер Уилсон поменял время сбора. По крайней мере, он считал, что сам поменял время. По крайней мере, в протоколе собрания сообщалось, что это предложение принадлежит ему, хотя наедине с самим собой он вроде бы вспоминал, что возражал против этого.

Как бы там ни было, вот уже несколько лет они встречались по утрам. И другие члены общества приспособились к этому, как и сам Портер. Он-то просто вынужден был это сделать — ведь идея принадлежала ему.

Тот факт, что совет приспособился, можно было считать чудом. Когда в последний раз их просили что-то изменить, речь шла об износившейся коже на стульях Лит-Иста, и случилось это шестьдесят три года назад. Члены общества все еще помнили отцов и матерей, бабушек и дедушек, выстроившихся по обе стороны этой мебельной линии Мэйсона—Диксона¹. Они помнили саркастические замечания, сделанные за закрытыми дверями, за глаза, но при детях. Детях, которые и шестьдесят три года спустя не забыли эту бессовестную замену старой черной кожи на новую.

Отодвигая для себя стул во главе стола, Портер заметил, что у сиденья потертый вид. Он быстро сел, чтобы никто, и в первую очередь он сам, не заметил этого. Перед его местом,

¹ *Линия Мэйсона — Диксона* — граница, проведенная в 1763–1767 годах для разрешения векового спора между британскими колониями в Америке, служила символической границей между свободными штатами Севера и рабовладельческими штатами Юга.

как и перед местами всех остальных, лежали аккуратные стопки бумаги — этакие солдаты на деревянном столе. Работа Элизабет Макуиртер. Портер посмотрел на Элизабет. Простенькое лицо, худощавая и высокая. По крайней мере, такой она была, когда мир был молод. Теперь она казалась замороженной на манер тех трупов, что находят в ледниках. Она все еще сохранила человеческие черты, но вся высохла и поседела. Элизабет носила синее практическое платье, причем, как подозревал Портер, хорошего покроя и из хорошего материала. Что ни говори, она ведь из тех самых Макуиртеров. Член почтенной и богатой семьи. Семьи, которая не кичится своим богатством или мозгами. Ее брат продал судостроительную империю с опозданием лет на десять. Но кое-какие деньги еще остались. Элизабет была скучноватой, но ответственной. Не лидер, не мечтатель. Не из тех людей, что могут в трудный час сплотить общество. Таких, как сам Портер. И его отец до него. И его дед.

А крохотное английское сообщество в стенах старого Квебек-Сити вот уже несколько поколений переживало трудный час. Это был такой трудный час, который может ухудшаться, может улучшаться, но никогда не исчезает полностью. Как и сами англичане.

Портер Уилсон не сражался ни на каких войнах: для одних он оказывался слишком молод, для других — слишком стар. Нет, речь не шла об официальных войнах. Но он и другие члены совета тем не менее чувствовали себя как на войне. И он втайне подозревал, что они проигрывают сражения одно за другим.

У дверей Элизабет Макуиртер встречала других членов совета и поглядывала на Портера Уилсона, который уже сидел во главе стола и читал свои заметки.

Элизабет знала, что он многое добился в жизни. Организовал хор, любительский театр, флигель для дома инвалидов. Все это было создано силой воли и личности. И пусть все они тут рядом с ним карлики, он у всех искал совета и многое принимал.

Эта сила его личности могла создавать и калечить. А будь он добрее, сумел бы он добиться большего? Впрочем, активность и доброта уживаются редко, хотя, когда это происходит, их не остановить.

Остановить Портера было можно. Собственно, он и сам остановился. И теперь совет Лит-Иста был единственным кораблем, на мостике которого он стоял. Элизабет знала Портера уже семьдесят лет, с тех пор как увидела его в школе поедающим ланч в одиночестве и стала составлять ему компанию. Портер думал, что она хочет подольститься к человеку, принадлежащему к великому клану Уилсонов, и относился к ней с пренебрежением.

Но она продолжала составлять ему компанию. Не потому, что он ей нравился, а потому, что даже тогда она знала нечто такое, на понимание чего Портеру Уилсону потребовалось десятилетия. Англоязычные канадцы Квебек-Сити больше не были движущей силой, пароходом или изящным пассажирским лайнером общества и экономики.

Они были маленьким плотиком. На воле волн. А войну с плотика не объявляют.

Элизабет Макуиртер уже тогда знала это. И когда Портер принимался раскачивать лодку, она ее выравнивала.

Она смотрела на Портера Уилсона и видела небольшого, энергичного человека в парике. Его волосы — там, где еще оставались его собственные волосы, — были выкрашены в такой черный цвет, что им даже стулья могли позавидовать. Глаза у него были карие, и он нервно стрелял ими в разные стороны.

Первым появился мистер Блейк, старейший член комитета. Он практически жил в Лит-Исте. Мистер Блейк снял пальто и остался в костюме из шерстяной ткани и стираной белой рубашке с синимшелковым галстуком. Мистер Блейк всегда приходил в лучшем виде. Джентльмен, в присутствии которого Элизабет чувствовала себя молодой и красивой. Она ему нравилась, когда была неловким подростком, а он — в расцвете своих двадцати пяти.

Тогда он был привлекателен и не потерял привлекательности шестьдесят лет спустя, хотя волосы его поредели и посе-

дели, а некогда стройное тело округлилось. Но глаза оставались умными и живыми, а сердце — большим и сильным.

— Элизабет.

Мистер Блейк улыбнулся и взял ее за руку, задержав на мгновение. Никогда слишком долго, никогда слишком фамильярно. Просто чтобы она почувствовала его руку.

Он сел на стул, и Элизабет подумала, что стул давно пора заменить. Но если уж на то пошло, то пора заменить и Блейка. Всех их пора заменить.

Что будет, когда все они вымрут и от совета Литературно-исторического общества останутся одни видавшие виды пустые стулья?

— Хорошо бы провернуть все побыстрее. У нас тренировка через час.

Появился Том Хэнкок, а за ним — Кен Хэслам. Эти двое в последнее время никогда не расставались и, будучи членами одной команды, готовились принять участие в этих нелепых гонках.

Том был радостью Элизабет. Ее надеждой. И не только потому, что занимал пост священника в находящейся совсем рядом пресвитерианской церкви Святого Андрея.

Он был молод и появился в обществе недавно — всего три года назад переехал в Квебек-Сити. В свои тридцать три года он был в два раза младше следующего самого молодого члена совета. Не было в нем пока этого цинизма, этой прожженности. Он продолжал верить, что его церковь еще обретет новых прихожан, что английское сообщество вдруг нарожает детей, а те проникнутся желанием остаться в Квебек-Сити. Он верил квебекскому правительству, когда оно обещало предоставить англоговорящим такие же права на работу, какие есть у франкоговорящих. И медицинское обеспечение на их родном языке. И образование. И дома для престарелых. Чтобы, когда никаких надежд не останется, они могли умереть, слыша от тех, кто заботится о них, родную речь.

Ему удалось вселить в совет надежду на то, что еще не все потеряно. И что, может быть, это даже и не война. Что это

не какое-то ужасное продолжение битвы на Полях Авраама¹, в которой на сей раз поражение терпят англичане. Элизабет кинула взгляд на удивительно маленькую статую генерала Джеймса Вольфа². Дух этого прославленного мученика битвы, состоявшейся двести пятьдесят лет назад, зримо присутствовал в библиотеке Литературно-исторического общества в виде деревянного укоря. Он был свидетелем их мелких стычек и вечно напоминал им о великой битве, которую он выиграл для них. Битве, в ходе которой он и погиб, но перед смертью успел-таки испытать торжество победы на этих обильно политых кровью фермерских полях. Он погиб, но прежде закончил войну и закрепил земли Квебека за англичанами. На бумаге.

И вот теперь из угла уютной старой библиотеки генерал Вольф смотрел на них сверху вниз. В буквальном и фигуральном смысле, как подозревала Элизабет.

— Ну что, Кен, — сказал Том, занимая свое место рядом с названным джентльменом, — вы в форме? Готовы к гонкам?

Элизабет не слышала ответа Кена Хэслама. Правда, она и не ожидала, что услышит. Губы Кена шевельнулись, слова сформировались, но так и не прозвучали.

Они все помедлили, возможно думая, что сегодня он произнесет хоть слово не шепотом. Но их надежды были тщетны. Тем не менее Том Хэнкок продолжал что-то говорить Кену, словно между ними и в самом деле происходил какой-то словесный обмен.

Элизабет и за это любила Тома. Он не поддавался всеобщему мнению, будто молчаливость Кена объясняется его глупостью. Элизабет точно знала, что Кен не глуп. Кен, которому перевалило за шестьдесят, был самым успешным из них — он

¹ Битва при Квебеке (битва на Полях Авраама) — одно из решающих сражений войны французов с англичанами за колонии в Северной Америке 13 сентября 1759 года, на равнине, получившей свое название в честь Авраама Мартина (1559–1664), который пас там скот. Победа в битве обеспечила англичанам возможность захватить Квебек и тем самым установить свою власть над всей территорией Канады. Ныне на этом месте разбит парк.

² Джеймс Вольф — командующий английской армией во время Квебекского сражения. Получил смертельное ранение и умер.

построил собственный бизнес. А теперь достиг и еще кое-чего весьма примечательного.

Он записался на участие в опасных гонках на каноэ¹. В команду Тома Хэнкока. Он стал старейшим членом команды, старейшим из всех участников нынешних гонок. А может, и всех предыдущих.

Глядя на Кена, тихого и спокойного, и на Тома, молодого, энергичного, красивого, Элизабет думала, что, наверное, эти двое прекрасно понимают друг друга. Возможно, у них есть какие-то общие интересы, о которых они помалкивают.

Не в первый раз Элизабет задумывалась о Томе Хэнкоке. Почему он приехал сюда священником и почему остановился в стенах Старого города. Элизабет знала, что не каждый способен жить за стенами крепости.

— Давайте начнем, — сказал Портер, выпрямляясь на своем стуле.

— Уинни еще не появилась, — напомнила Элизабет.

— Мы не можем ждать.

— Почему? — спросил Том спокойным голосом.

Но Портер все равно услышал в его вопросе вызов.

— Потому что уже больше чем пол-одиннадцатого и именно вы хотели свернуть все побыстрее, — ответил Портер, довольный тем, что осадил мальчишку.

«И опять, — подумала Элизабет, — Портер умудряется смотреть на друга, а видеть врага».

— Вы правы. Но все же я готов подождать, — улыбнулся Том, не желая вступать в перепалку.

— А я не готов. Что у нас там под первым пунктом в повестке?

Некоторое время до прибытия Уинни они обсуждали приобретение новых книг. Появилась Уинни. Маленькая и энергичная, она была фанатична в своей преданности. Английскому сообществу, Лит-Исту, но в первую очередь своим друзьям.

¹ Гонки на каноэ проводятся на реке Св. Лаврентия в зимнее время. Задача участников — пересечь замерзшую реку и вернуться обратно. Правда, чаще спортсменам приходится скользить на каноэ по льду или тянуть его на себе, чем плыть.

Она вошла, бросила на Портера испепеляющий взгляд и села рядом с Элизабет.

— Я смотрю, вы начали без меня, — сказала она. — Я же говорила, что немножко опоздаю.

— Говорили. Но это не означает, что мы должны были вас ждать. Мы обсуждаем приобретение новых книг.

— И вам не пришло в голову, что этот вопрос лучше всего обсуждать с библиотекарем?

— Ну, теперь вы здесь.

Остальные члены совета наблюдали за этим, как за теннисным матчем на Уимблдоне, хотя и с гораздо меньшим интересом. Было совершенно ясно, кто здесь с яйцами и кто одержит победу.

Пятьдесят минут спустя они почти исчерпали повестку дня. Из овсяного печенья осталась одна штука, и члены совета поглядывали на нее, хотя воспитание не позволяло ее взять. Они обсудили счета за отопление, парковку для членов общества, потрепанные старые книги, завещанные обществу вместо денег. Книги эти обычно представляли собой собрания проповедей или сборники трагической викторианской поэзии. Иногда попадался скучный дневник какого-нибудь путешественника, рассказывающего о каждом дне своей поездки на Амазонку или в Африку, чтобы пострелять несчастных диких животных и понаделать из них чучел.

Они обсудили возможность продажи некоторых книг, но после предыдущего фиаско этот разговор не затянулся.

Элизабет, ведущая протокол, сдерживала себя, чтобы не шевелить губами, повторяя реплики членов совета. Это была литургия. Знакомая и странным образом утешительная. На каждом заседании снова и снова повторялись одни и те же слова. Всегда и неизменно. Аминь.

Эту спокойную литургию вдруг прервал какой-то звук. Звук настолько необычный и пугающий, что Портер чуть не вскочил со стула.

— Что это было? — прошептал Кен Хэслам.

Для него это было равносильно крику.

— Кажется, дверной звонок, — ответила Уинни.

— Дверной звонок? — переспросил Портер. — Я и не знал, что у нас есть звонок.

— Поставлен в тысяча восемьсот девяносто седьмом году, когда нас посетил губернатор провинции и не смог войти, — сказал мистер Блейк так, словно присутствовал при этом. — Сам я его никогда не слышал.

Но звонок прозвенел снова. Долгий, пронзительный.

Элизабет заперла парадную дверь Литературно-исторического общества, после того как прибыли все члены. Мера предосторожности, чтобы их не прервали. Впрочем, их никто никогда не прерывал, так что это была скорее дань традиции, чем необходимость. К тому же она повесила на толстой деревянной двери объявление: «ИДЕТ ЗАСЕДАНИЕ СОВЕТА. БИБЛИОТЕКА ОТКРОЕТСЯ В ПОЛДЕНЬ. СПАСИБО. Мерси».

Звонок зазвонил снова. Кто-то давил на него, не отрывая пальца от кнопки.

Но члены совета продолжали глазеть друг на друга.

— Пойду посмотрю, — сказала Элизабет.

Портер уткнулся в свои бумаги — вот она, мужская доблесть.

— Нет. — Уинни встала. — Я пойду. А вы оставайтесь здесь.

Все проводили ее взглядом. Она исчезла в коридоре, осталось только цоканье каблуков по ступеням деревянной лестницы. Воцарилось молчание. Потом они снова услышали ее шаги на лестнице.

Они слушали, как шаги приближаются. Наконец Уинни пришла, но остановилась в дверях, лицо у нее было бледное и серьезное.

— Там один человек. Он хочет поговорить с советом.

— Так-так, — проговорил Портер, только теперь, когда пожилая женщина уже сходила к дверям, вспомнивший, что он их вождь. — И кто же это?

— Отюстен Рено, — сказала она, вглядываясь в их лица.

Если бы она сказала: «Дракула», они не испугались бы сильнее. Впрочем, для англоязычных канадцев «испугаться» означало поднять брови.

Все брови в комнате взметнулись, и если бы то же самое мог сделать и генерал Вольф, то непременно сделал бы.

— Я оставила его на улице, — произнесла Уинни в тишину. Словно подтверждая это, звонок взорвался снова.

— Что будем делать? — спросила Уинни, но обратила эти слова не к Порттеру, а к Элизабет.

Все посмотрели на Элизабет.

— Мы должны проголосовать, — сказала наконец Элизабет. — Принять его или нет.

— Правильно, — подхватил Порттер.

— Его нет в повестке дня, — сообщил мистер Блейк.

— Верно, — сказал Порттер, пытаясь вернуть бразды правления в свои руки.

Но даже он посмотрел на Элизабет.

— Кто за то, чтобы позволить Огюстену Рено выступить перед советом? — спросила Элизабет.

Не поднялось ни одной руки.

Элизабет опустила авторучку, не записав результаты голосования. Она коротко кивнула и встала:

— Я ему скажу.

— Я пойду с вами, — вызвалась Уинни.

— Нет, дорогая, оставайтесь здесь. Я мигом. Нет, правда. — Она помедлила у двери, оглядела членов совета и генерала Вольфа, взирающего на них сверху. — Насколько это может быть плохо?

Но они все знали ответ. Когда приходил Огюстен Рено, добром это никогда не кончалось.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Арман Гамаш устроился на потертом кожаном диване под статуей генерала Вольфа. Кивнув пожилому человеку, сидевшему напротив, он вытащил из сумки письма. После прогулки по городу с Эмилем и Анри Гамаш вернулся домой, взял свою почту, собрал записки, сунул их в сумку, а потом вместе с Анри отправился вверх по холму.

В тихую библиотеку Литературно-исторического общества.

Гамаш взглянул на плотный конверт, лежащий рядом с ним на диване. Ежедневная корреспонденция из управления в Монреале пересыпалась в дом Эмиля. Вот и на сей раз агент Изабель Лакост рассортировала почту и отправила ее с сопроводительной запиской.

«Дорогой шеф!

Рада была поговорить с Вами. Завидую Вашим нескольким дням в Квебеке. Я все время говорю мужу, что нужно отвезти детей на карнавал, но он утверждает, что они еще слишком маленькие. Может быть, он прав. Но дело в том, что мне самой очень хочется.

Допросы подозреваемого (так трудно называть его подозреваемым, когда есть полная уверенность) продолжаются. Я не слышала, что он говорит, если он вообще что-то говорит. Как Вы знаете, была организована Королевская комиссия. Вы уже давали показания? Я получила вызов на завтра. Не знаю, что им говорить».

Гамаш на минуту оторвался от записки. Агент Лакост, конечно, скажет им правду. Так, как она ее понимает. Выбора у нее нет — ни характер, ни жизненный опыт не позволяют ей ничего иного. Перед отъездом он приказал всему управлению сотрудничать с комиссией.

Как сотрудничал сам Гамаш.
Он вернулся к записке.

«Никто не знает, к чему это приведет и чем кончится. Но подозрения есть. Атмосфера напряженная.

Буду Вас информировать.

Изабель Лакост».

Такое тяжелое — не удержать — письмо медленно опустилось ему на колени. Гамаш уставился в пространство, и перед его мысленным взором замелькало лицо агента Лакост. Ее образ то возникал, то исчезал. Она смотрела на него и, казалось, кричала что-то, хотя он и не мог разобрать что. Он почувствовал, как ее маленькие сильные руки ухватили его за голову, увидел, как она подалась к нему, как шевелятся ее губы, как пристально смотрят глаза, пытаются что-то донести до него. Он почувствовал, как ее руки сдергивают бронежилет с его груди. Увидел на них кровь, увидел выражение ее лица.

Потом увидел ее снова.

На похоронах. Скольких тогда провожали... Она стояла в одном ряду с другими агентами знаменитого отдела по расследованию убийств Квебекской полиции, а он — во главе этой скорбной колонны. Хоронили тех, кто был под его началом и погиб в тот день на заброшенной фабрике.

Гамаш закрыл глаза и глубоко вздохнул, вдыхая терпкий библиотечный дух. Дух былых веков, стабильности, спокойствия и мира. Старомодной полировки, дерева, слов в потертых кожаных переплетах. Ощущал он и собственный слабый запах розовой воды и сандалового дерева.

И он подумал о чем-то хорошем, о чем-то приятном, о какой-то тихой гавани. И нашел все это в Рейн-Мари, вспомнив ее

голос в телефонной трубке. Веселый. Домашний. Уютный. Гамаш разговаривал с ней сегодня чуть раньше. Их дочь Анни придет на обед вместе с мужем. Нужно прикупить что-нибудь, полить цветы, прочитать пришедшие письма.

Он видел ее по мобильнику в их утремонской квартире, у книжного шкафа: солнечная комната полна книг, периодики и уютной мебели, повсюду порядок и покой.

В их квартире было спокойствие, как и в самой Рейн-Мари.

И он почувствовал, что его сердце успокоилось, дыхание стало глубже. Набрав в легкие побольше воздуха, он открыл глаза.

— Ваша собака не хочет водички?

— Простите? — Гамаш тряхнул головой и увидел пожилого человека — тот сидел напротив Гамаша и показывал на Анри.

— Я когда-то приходил сюда с Симусом. Я читал, а он лежал у моих ног. Как и ваш пес. Его как зовут?

— Анри.

Услышав свое имя, молодая овчарка села, насторожилась, громадные уши зашевелились, как радары, ловящие сигнал.

— Умоляю вас, месье, только не говорите «мячик» — тут его уже будет не удержать.

Человек рассмеялся:

— Симус возбуждался каждый раз, когда я говорил «книга». Он знал, что мы идем сюда. Похоже, ему это нравилось даже больше, чем мне.

Гамаш приходил в эту библиотеку каждый день вот уже почти неделю, и, если не считать разговоров шепотком с библиотекаршей, которая помогала ему искать малоизвестные книги о битве на Полях Авраама, прежде он ни с кем тут не разговаривал.

Было таким облегчением не говорить, не объяснять, не чувствовать, что объяснение желательно и даже обязательно. Все это никуда не денется, вскоре вернется. Но пока он искал и находил покой в этой безвестной библиотеке.

Хотя Гамаш не первый год приезжал к своему наставнику и считал, что хорошо знает Старый город, однако здесь он

Пенни Л.

П 25 Хороните своих мертвцев : роман / Луиза Пенни ; пер. с англ. Г. Крылова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. — 448 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-04685-6

Роман «Хороните своих мертвцев» продолжает серию расследований блистательного старшего инспектора Армана Гамаша — нового персонажа, созданного пером Луизы Пенни, единственного в мире пятикратного лауреата премии Агаты Кристи.

Пока древние каменные стены Старого Квебека трещат от зимних морозов, старший инспектор Арман Гамаш расследует самое странное дело в своей успешной карьере. В здании добропорядочного Литературно-исторического общества найдено тело. Человек был жестоко убит в тот момент, когда производил раскопки в подвале. Его смерть явно связана с одной из величайших тайн в истории Квебека, корни которой уходят в века. И только разгадав эту тайну, Гамаш может найти убийцу...

Впервые на русском языке!

УДК 821.111-312.4
ББК 84(7Кан)-44

Литературно-художественное издание

ЛУИЗА ПЕННИ
ХОРОНИТЕ СВОИХ МЕРТВЕЦОВ

Ответственный редактор Елена Гуляева
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректор Нина Тюрина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 26.08.2015. Формат издания 60 × 90 $\frac{1}{16}$.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 28.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

HRBD1137301R